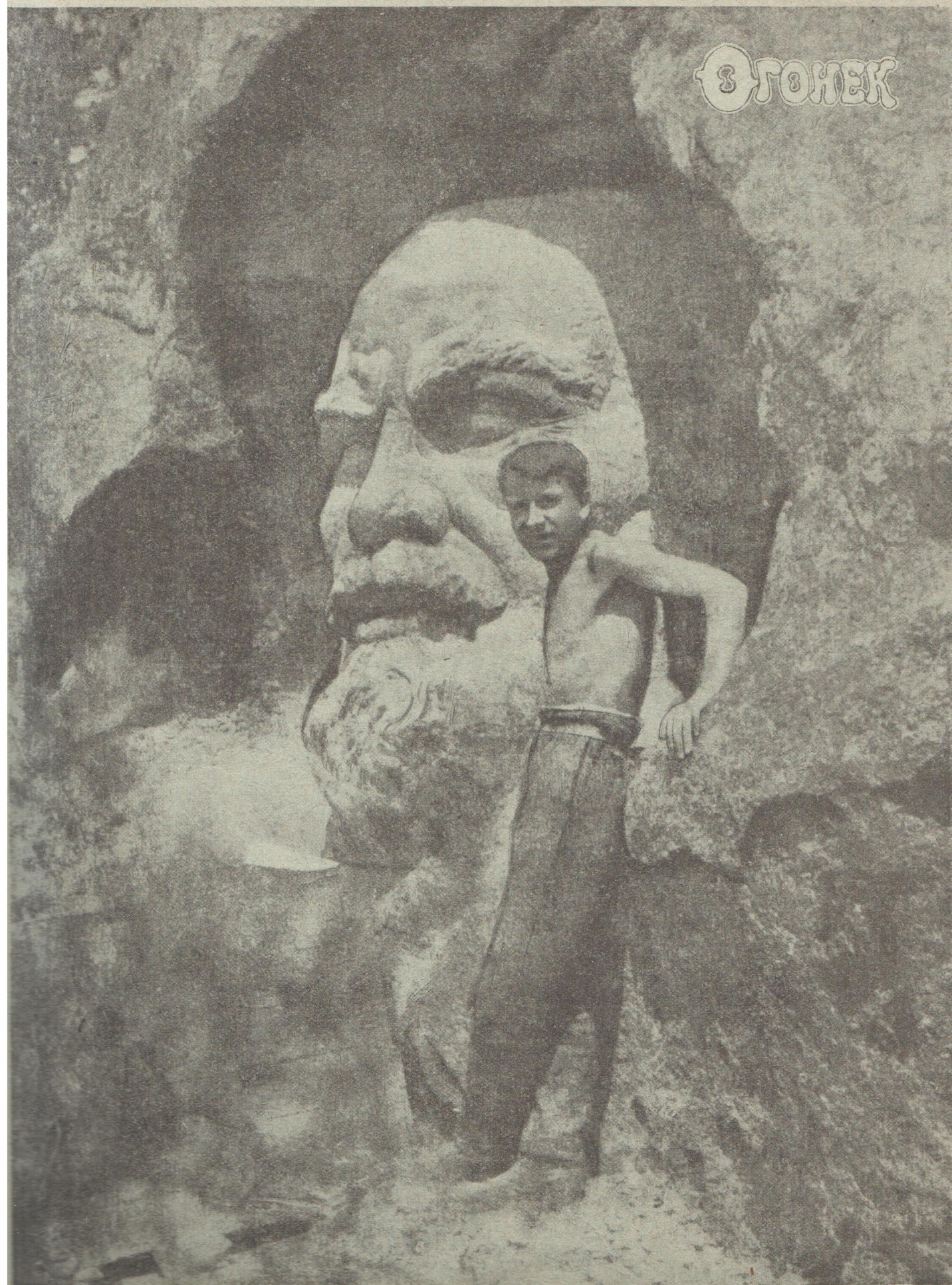

Эгоист

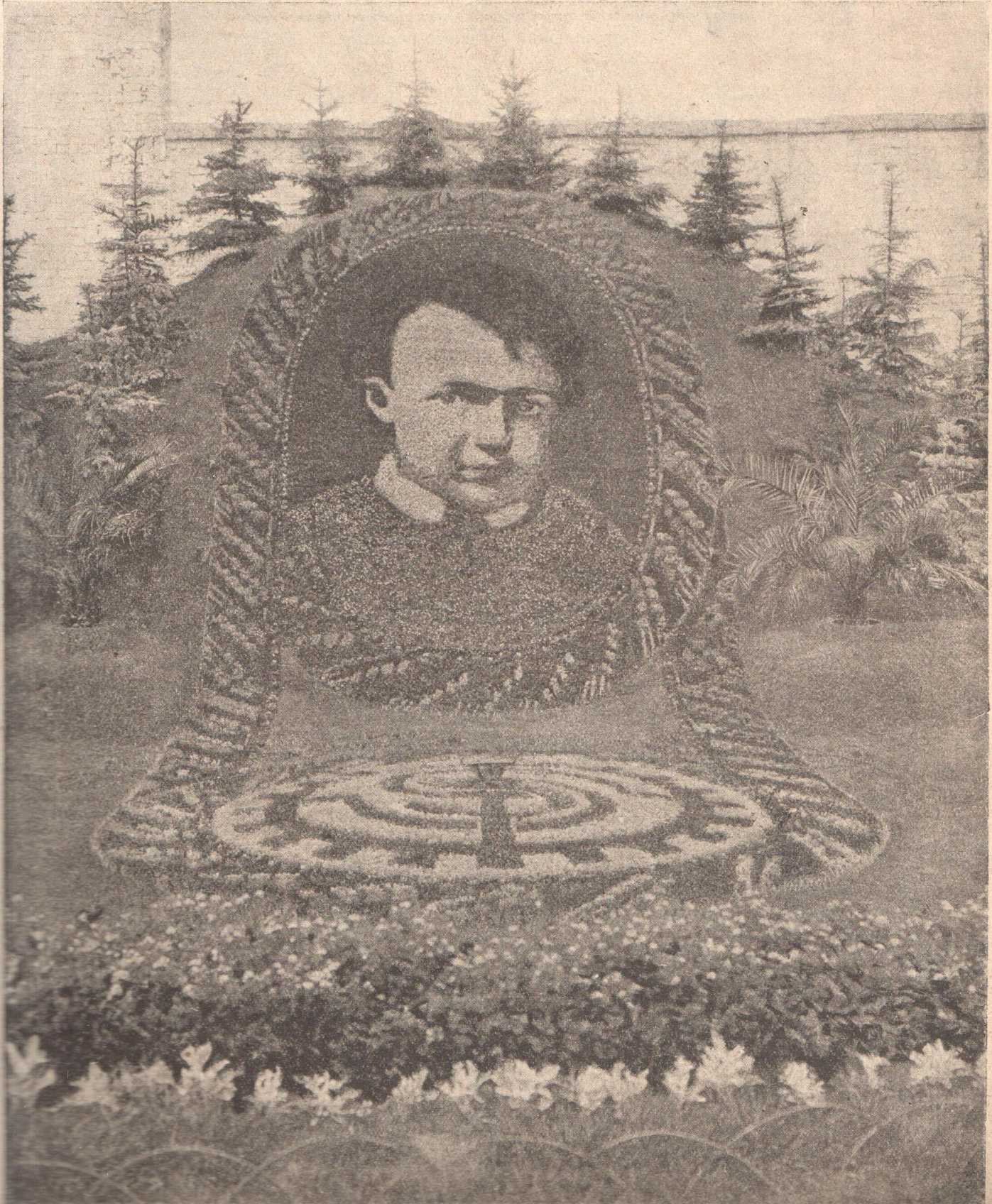

Молодой рабочий-скульптор у г. Кисловодска в скале „Красные Камни“ выдолбил голову ЛЕНИНА размером в два человеческих роста. На снимке—автор рядом со своей работой.

Фот. Всеволода Гобкова.

На Советской площади. Дети, цветы, Ленин.

«фото-бюро «Огонек»»

В Москве, в сквере на Советской площади, против здания Московского Совета, рабфакта клубы, на которой из цветов сделан портрет В. И. Ленина в детстве.

Лагерь Нейссе. Суточная порция хлеба. Для сравнения рядом снята спичечная коробка и листок календаря обыкновенного формата.

В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ.

Воспоминания русского солдата.

В немецком плену томилось более 1.500.000 русских солдат. Я пробыл 3½ года в лагере, в городе Нейссе.

Нейссе небольшой немецкий городок в Силезии с 25—30 тысячами жителей. Форты, опоясывающие город, были первыми местами размещения военнопленных до постройки барачного лагеря, а позднее, с начала 1915 года, на фортах военнопленные выдерживались в карантине.

Во франко-прусскую войну 1870—1871 г.г. в г. Нейссе был также лагерь для военно-пленных французов.

Основной барачный лагерь был построен в центре города на учебном плацу.

Питание пленных, как известно, было чрезвычайно плохое, большинство пленных влячило полуголодное существование. Единственным спасением от голода были посылки, получаемые от родных из России, но посылки шли очень долго и не в достаточном количестве. Солдаты от голоду мерли, буквально, как мухи. Из солдатских лагерей пленные посылались на физические работы, а получаемой пищи не хватало даже при полной бездельности, поэтому часто можно было видеть русского солдата, разрывавшего помойные ямы. Голод заставлял русских унижаться перед французскими солдатами, которые регулярно снабжались своим правительством продовольственными посылками. Русский солдат оказывал французскому всякие услуги—мыл посуду, чистил обувь, за него работал, а за это получал жалкие

Лагерь в Герлице. Привязывание за проступки к столбу. Эта фотография с трудом была привезена из Германии. По выкопанным в ногах земля можно судить, что у этих столбов стояло много «проступников».

обеды. Еще хуже было русскому солдату, работающему на немецких заводах, фабриках, в шахтах, рудниках и на государственных работах. Получая жалкую еду, часто недоброкачественную, всегда мало питательную, он должен был рабо-

тать в невыносимо тяжелых условиях, полуоборванный, больше похожий на бессловесного раба, чем на солдата. Один товарищ, у которого я спросил, в каком бою ему пришлось потерять пальцы, рассказал, что пальцы он сам себе отрубил топором, потому что исполнять каторжную работу в шахте не мог, а за отказ немцы привязывали к столбу, еще более морили голодом и буквально не давали жить.

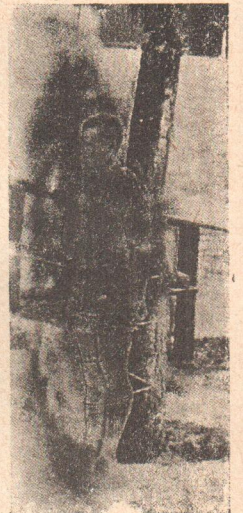
С начала 1917 года, с момента Революции в России, немцы

решили создавать национальные лагеря и поэтому в Нейссе в конце концов остались только военно-пленные русской армии. Вскоре у немецкого командования возникла мысль расслить по национальностям и пленных русской армии, для чего были созданы польские, латышские, украинские лагеря. Наиболее благодарными немецкому командованию казались украинцы, которые с переводом в особые лагеря получали даже всевозможные льготы, взамен чего украинцы должны были формировать украинские полки для защиты немецких империалистических интересов.

Тоска по родине, жизнь на правах арестанта, голод и сознание все таки некоторой вины перед народом, являлись побудительными причинами для частых побегов. Но до немецкой революции удачный побег из лагеря Нейссе был только известен один. Остальные побегии были неудачны и, главным образом, из-за незнания немецкого языка в совершенстве и незнания немецких обычаев. Был случай, когда один прапорщик, бывший сельский учитель, был убит часовым в упор, несмотря на то, что на предупреждение его остановился. Это убийство было настояло бесцельно, что администрация лагеря старалась замести следы убийства, но не удачно. Протест, как и всегда, ни к чему не привел.

Для обследования лагерей приезжали из России «сестры милосердия». В 1915 г. посетила лагерь графиня Мусина-Пушкина, в 1916 г. Козимбек, кажется, баронесса. Это совершенно бесцельное путешествие совершалось, вероятно, только для того, чтобы передать поклон германской императрице от немецко-русской царицы Алисы. Особенно неизгладимую память оставила по себе графиня Мусина-Пушкина, мадам в три обхвата, более любезничавшая с немцами, французами и англичанами на их языках, чем выполнявшая свою миссию. Мне помнится, как поразилась графиня и какое неудовольствие она выразила при виде в библиотеках книг запрещенных в России, одним своим видом пугавших царских слуг. Характерны тоже ее слова, обращенные к пленным, в которых она сказала, что царь-батюшка быть может пленных простит и не всех накажет. От солдат я слышал, что солдатские лагеря графиню ослептали и она признана была с конфузом удалиться. Все эти баронессы и графини соглашались, что пленные живут в крайне тяжелых условиях, обещали улучшить положение, а на обратном пути—в Берлин, выражали свою благодарность и восхищение за хорошее содержание лагерей. Мне неизвестно, посещали ли графини кладбища, чтобы убедиться, сколько русских пленных погибло в плену.

Был в лагере и испанский представитель, которому было поручено защищать интересы русских. Этот последний явился в лагерь по вызову, и это, мне помнится, вскоре после февральской революции. Испанский «дон» сразу же заявил, что Испания временное правительство не при-

Культурный способ наказания военнопленных в Германии.

Лагерь в Герлице. Группа русских пленных.

В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ

Раздача обеда в одном из лагерей для пленных в Германии. Около бочек стоит немецкий унтер с палкой для «наведения порядка».

знает, а поэтому ему некуда передать наши жалобы, хотя все жалобы им были записаны.

Последними посетили лагерь Нейссе в 1918 году представители Советского Правительства из посольства: тов. Иоффе, тов. Лоренц и другой, фамилию которого вспомнить не могу. Они очень подробно знакомились с условиями жизни пленных, внимательно выслушивали все нужды и жалобы пленных, оговорились, что пленные живут в тяжелых условиях, но сообщили нам, что русское Советское Правительство не в силах улучшить положение пленного, а подвергать репрес-

сиям немцев, находящихся в России, противоречит принципам пролетарской Революции. Между прочим, необходимо отметить, что комендант лагеря не оставил Советских представителей наедине с пленными, как это бывало раньше, но несмотря и на это обоим представителям пленные набили портфели письмами и жалобами.

Надвигавшаяся в России революция большинством пленных предугадывалась, так как пленным со стороны виднее было, что происходит в России и до чего Россию довела война.

Пленный.

Стихотворение

Эммануила Германа.

Тебе ли, круша, сокрушили
Германия, грузная спесь!
Все тот же восторженный Шиллер
Ведет белокурую песнь.

И груди созвездий, как ветви,
Валет париком на ходу,
Веймарский надворный советник
К груди прикрепляет звезду.

И в камнях откняживших княжеств
На старый, ветшающий лад
Треплет вуклюжая тяжесть
Бархатных лат и баллад.

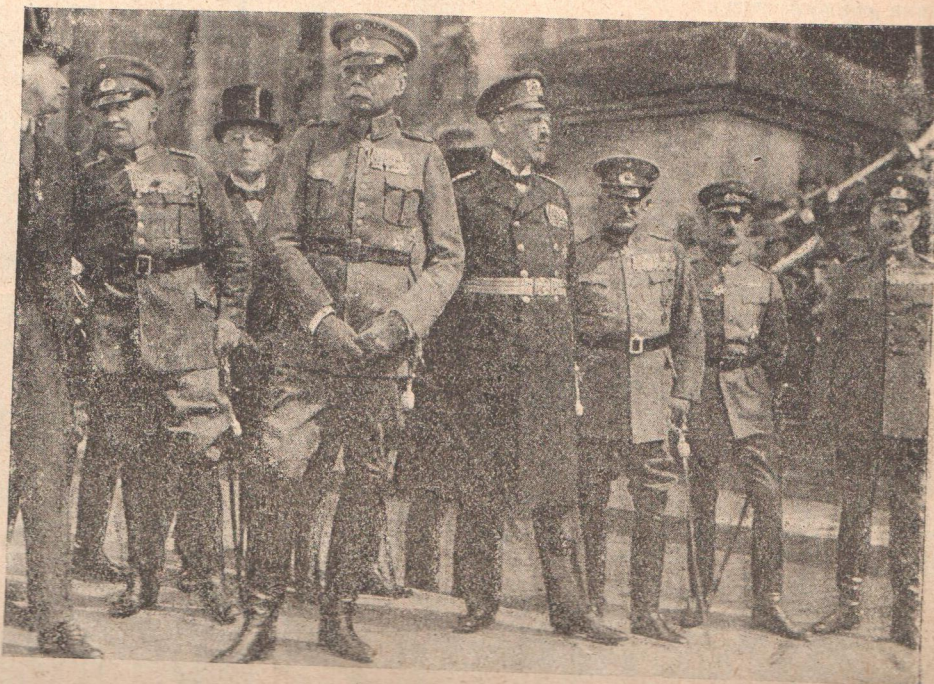
И в грозную бронь бароната,
Ид сяды готической тьмы,
Баснословно метит граната—
Именно, точно гетева мысль.

И русская-ль грусть белокура?
Или с другом и другим
Испытанный трубами Пура
Или Шиллеров гимн!

Эммануил Герман.

Германская военщина тоже „протестует“ против войны.

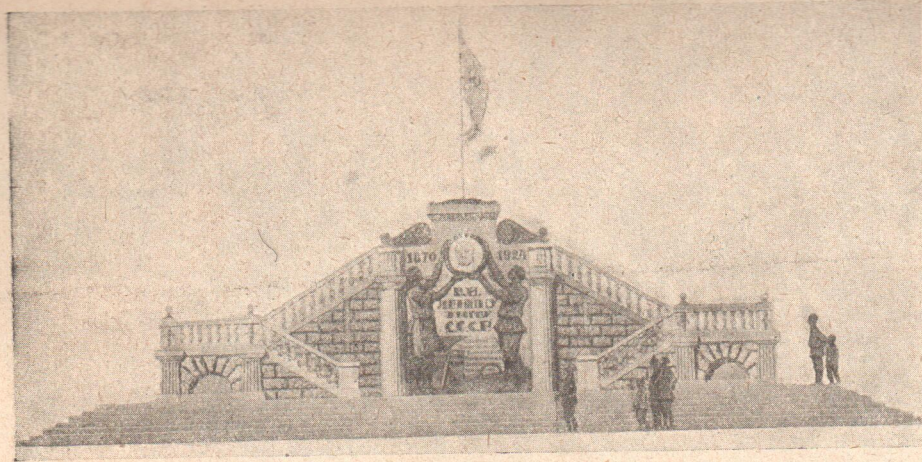
Русс-Ф.то

3 августа 1914 года кайзер Вильгельм объявил всеобщую мобилизацию запасных войск для войны с Антантой. Через десять лет в печальный юбилей мировой войны старые слуги Вильгельма, во главе генерала Сента (л) и руководителей запасных войск рейхсвера, под звуки траурного марша «Я имел товарища» принимают военный парад, представляющий собой жалкую военщину в грандиозной демонстрации шовинизма и жандармского протеста

Город Ульяновск своему великому земляку.

От ульяновского корреспондента «Огонька».

На родине В. И. Ленина. Проект памятника Ленину, по которому и будет таковой построен в Ульяновске (Симбирск).

МАРИНА.

Поэма Я. Шведова.

За рекою калина-малина,
За калитною, псы на цепях.
Ох, как тяжело и душно Марине
Теплой ночью сидеть в теремах.
За божницей мурлыканье кошки,
За сенями — всхрапы сестры,
А за волжской текучей дорожкой
Стеньки Разина блещут костры.
В небе месяц мордастый лукошном,
Возле тучек звездный оклад.
Ох, закинуть, забросить кокошник
Разметать бы вдоль лавок наряд.
За обрывом в сережках калина
Возле плеса веслами взмах.
Ох, как душно и тяжело Марине
Теплой ночью сидеть в теремах.

До пят спустила змеи-косы
И, позабыв отцову боль,
Хмельному Стеньке на подносе
Несла с поклоном хлеб и соль.

За рекою калина-малина.
Вдоль по тропкам волгами взмах...
Ох, не скучно будет Марине
В эту ночь сидеть в Жигулях.
Брызжут волны сердитые брагой,
Бьется Волга в крутых берегах.
Ох, не скучно Марине в оврагах
Хуже было житье в теремах.
Лишь заря пораскинёт ширинки,
Комохой залетит темнота.
Целовала Степана Маринка
Обтирала платочком уста.
Волга волны резвушка ворочает
Прокрадется Маринка в туман
Запоет: «ну чего хмуришь очи
Крепколюбый любимый Степан?
Поплывем вниз к Каспийским раздолья
Поплывем удалой на стругах:
Захотелось мне плясок и воли
Надоела тоска в теремах.
Темной, темной осеннею ночью
Не увидишь родного лица,
Полубила ж бсярская дочка
Удалого тебя молодца»...
Вьются гребни сердитые белые,
Вьется ус атаманов кольцом.
А Марина пела, глядела
И смеялась, звеня бубенцом.

Приходили девицы-брумяные,
Нахлобучив глазенки лучи,
Приносили к зеленым курганам
От ларцев перемычки-ключи.
Ох, уж жизнь невеселая наша
Худо пташечкам жить в теремах.
Приезжай-ка, наш милый Степаша,
В гости, книзу, скорей на стругах.
Уходили, скрываясь за синями,
Где кричали до зорь кулики...

Пять лет на фронте просвещения.

Фот. Госкино.

1. Президиум Союза работников просвещения в день 5-летия Союза. 2. Жесточное заседание по случаю дня Союза Просвещения.

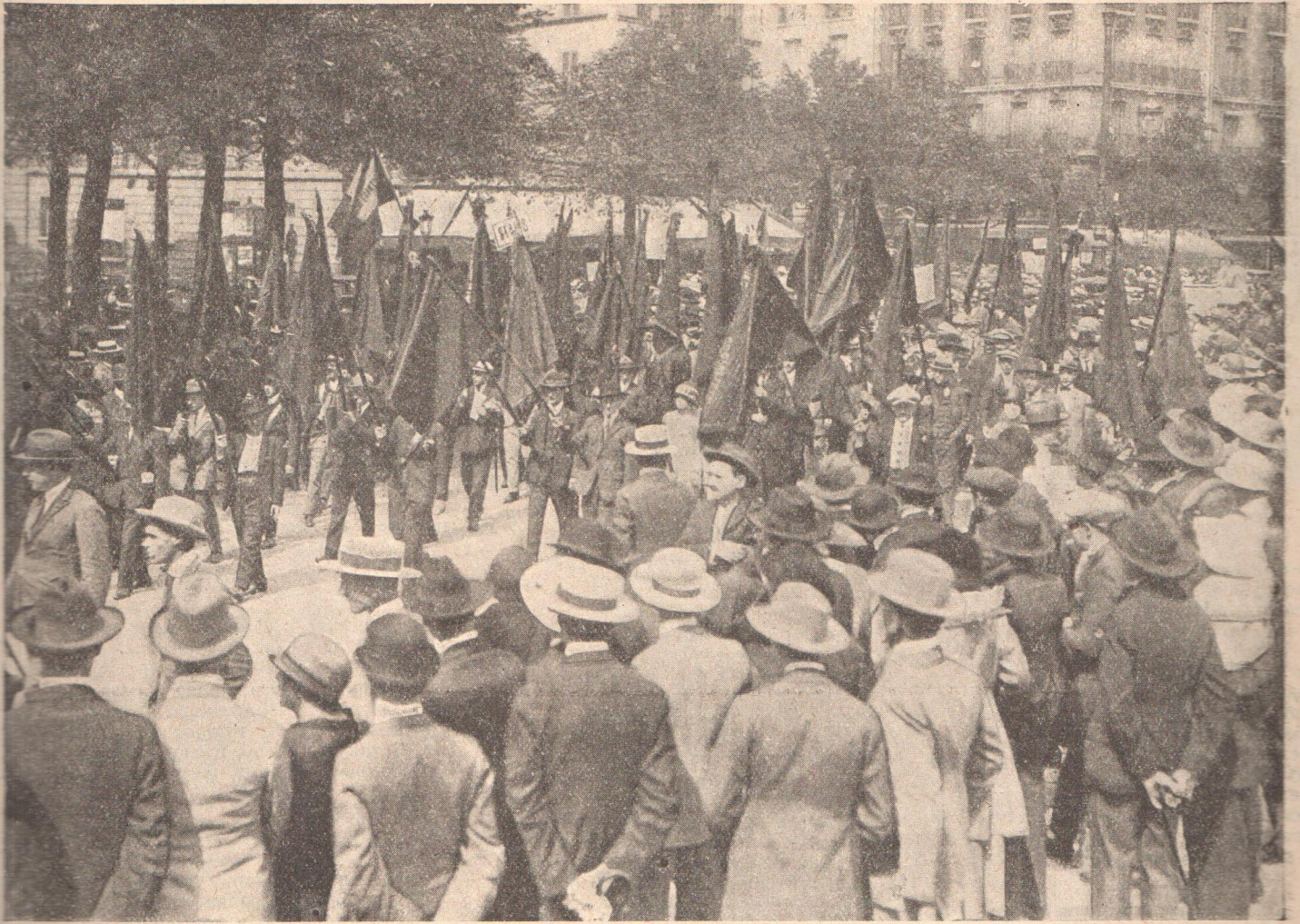
На купцов по пудам прин
Горя жалоб в овраг бурле
Корабли нараулили ночью
Собирал атаман молодцов.
А Марина, боярская дочка
Целовала, глядела в лиц

Ветер бьется лохматый, ры
Надувает грудь парусам.
Вверх по Волге с моря Ка
скот
Прется с верной ватагой С
Лебедями — струги черноб
За бортами гуляет волна.
На струге, на коврах — чер
Чернокошка — чужая княж

Парижские рабочие демонстрируют под знаменем красной Москвы.

Русс-Фото.

В ответ на посылку знамени Парижской Коммуны 1871 года, находящегося сейчас у гроба В. И. Ленина, московские рабочие послали свое знамя парижским коммунистам. В день годовщины войны это знамя впервые предшествовало массовой манифестации, направляющейся к могиле Жореса.

В ветвях загуманилась тина,
На стругах—зачерневшая кровь.
Скв. ударом красавка Марина

Завязала Разину бровь.
Просвистел кулик тихоплесец,
С перепугом скрываясь вдали,

Длинный луч золотистый месяц
Протянул за овраг в Жигули.
Ветер-леший с присвистками рыскает,

Л. Б. Каменев на Кавказе.

Фот. для «Огонька».

Советско-германский конфликт линвидирован.

Русс-Фото.

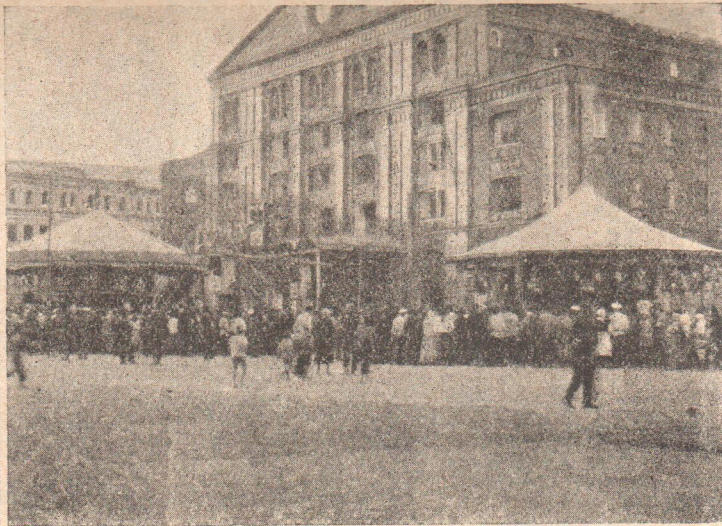
Н. Н. Кравченко, лидер СССР в Берлине, на встрече Фридрихсбург, после возвращения из Москвы.

Л. Б. Каменев и О. Д. Каменева (председатель комсомольской заграничной помощи при ЦИК СССР) во время своего летнего отпуска на Кавказе. В настоящее время Л. Б. и О. Д. Каменевы возвратились в Москву и приступили к работе.

В оптовом мануфактурном складе В. Т. С.

Ярмарочные развлечения. Карусели.

Что-то шепчет, гудит парусам.
Усмехнувшись на нос серебряный,
Выходил пестуночком Степан.
— «Ох, вы горы, родимые горы,
Ох, вы горы мои ль Жигули,
Почему мне по вашим пригорам
Темной ночью хотелось тужить.
Исполать вам родные овраги,
Едем, едем на горе купцам,
Веселее свисти-ка, ватага—
Подъезжаем к своим Жигулям.
За степные полянки далеко
Рассыпалась горошком гульба.
У княжны молодой черноокой
На губах хоронилась мольба.

А пожалел ли ты молодцов?
Слушай, Стенька,
Безменом затугой
Перебил я не мало купцов.
Свистнешь звонко на палец колючко,
И начнешь по купчинам махать.
Ну и пусть затужило сердечко,
Нету мочи княжну убивать.
Доверяй-ка Степаша Безмену,
Доверяй-ка Степаша мне грусть,
Бью безменом тяжелым отменно,
Ведь недаром Безменом зовусь.
В память крики задорные вольницы
— Променял волю, буйство на баб,
От княжны-персианки любовницы
Разин Стенька любимый избавь.

Разочтусь с вами волны я синие
Эх была, не была, да была
В волны разом—на донце княгиня
Лишь гусынею шапка плыла.
Завернула, как утка за яром,
И пропала за тинным кольцом.
Затянул удалой из гуслиаров
Ванька шустрый по кличке Кольцо.

«Звенят задорно гусельки
Под берегом волна,
Лежит на самом доньшке
Персидская княжна

Что сидишь всем туловом свесясь,
Не по нраву знать крики ребят,
Слушай, Стенька, любимый наш месяц,
Знаешь, что ребяташки хотят.
Зажалел, зажалел подругу,

Запел Степан: любимая ой Волга
Ой Волга, милая река,
Не ты ли нас в дорожки долгие
Гулять носила казака?

Намокли змейки-косы,
Закрылися глаза,
Играет над княгиней
Плотушка-бирюза.

Нижегородская ярмарка.

Фото-бюро „Огонек“.

Группа участников торжественного открытия III Советской Нижегородской ярмарки, совпавшей с 300-летием сществования Нижегородской ярмарки. В центре — председатель митинга Народный Комиссар Внутренней Торговли А. М. Лежава.

Не ходит Грудь высокая
Задорным ходуном...
За Стеньку брошу гусли я
И встану с кистенем.

Заброшу прибаутки
И гуслими звенеть...
Лежит, лежит на сердце
Тоска о кистенем.

За Стеньку встану с ножиком
У Волги, на лозу,
Звончей запел на домре
Соловушка-Глазун.»

(Глазун, играя, поет—братина с медом перед носом.)

«В темной шапке Иванов Курган,
За курганом, за думкой—Степан.

С Волги речки туманы ползут
Жизнь отдаст за Степана Глазун.

Кто напротив—лепешкой сомнем.
Брошу домбру—айда с кистенем.

Эх, не мне ль пареньку гуслиарить
С кистенем в поле лучше ходить.

Запевай,
Скоро струны порвем:
Выйдем братцы гулять с кистенем.»

(певуны хором)

«В заводах кличут шустрые утки

Нижегородская ярмарка.

Фот. В. П. Микулина,

На песочке Степан за грудком,
К чорту в зубы веселые шутки
Нам охота гулять с кистенем.
Затужилась рука по дубинам.
Вина бражные нас не пьянят.
Эй, Степаша, скажи ка Марине,
Чтоб скатили боченок вина.
Затужились казацки головушки:
Снятся ночью походы, ножи.
Эй, Марина, веселым соловушкам
Выноси ка хмельные ковши.
Угощай ка сестрица вином
Скоро станем гулять с кистинем!»

(пьют)

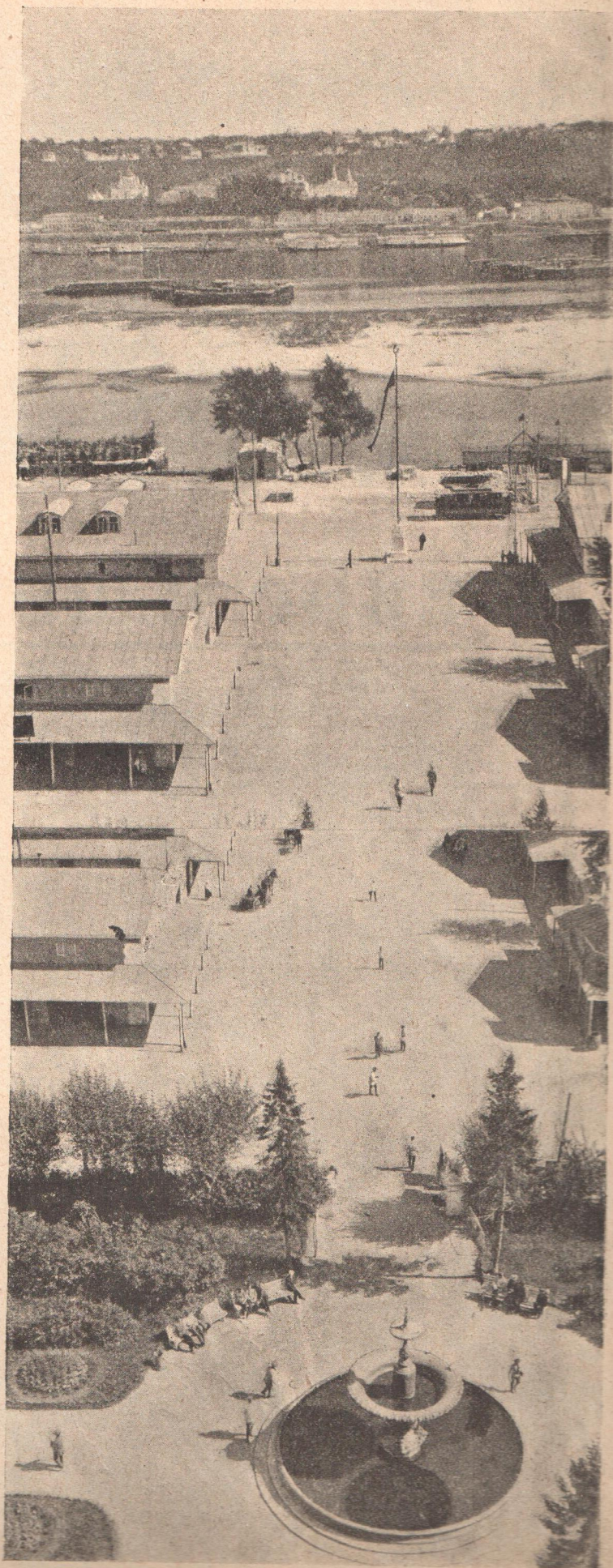
В поле сосенки—старушки богомольницы,
В синем небе шаль зари.
У сосенок Стенька развеселой вольнице
Говорил:
«Уезжаем ребята сединные
Струги чинно в ряды в караван
Эй, берите мутовки-дубины»—
Крикнул зычно в туман атаман.
«Кто разбойных с привольюшка сдвинет,
Кто не даст волю вольную нам,
Зададим мы работу дубинам
Будет воля свистеть кистеням.
Подождем теремные повойники,
Разобьем воеводские лбы...
Ну и пусть проклинают разбойников
За обедней нарядной попы.
За стрехи косматые крыши
С угольками подсунем туман...
Эй, Москва—семибашенка, слышишь.
Что идет на тебя атаман.
Встанут утром зорьки румяные,
Золотистым цвета галуном,
Сам ребята курчавые, встану я
За откосом, свистя кистенем...
За песками кудрявки березки
Распустили свои рукава—
Ждите в гости звонниц переплески,
Жди Степана с ватагой Москва,
Ждите, ждите веселых стоянок
Перекаты московской реки,
Ждите, гостя родного полянки,
Ждите, воли себе батраки.
Ну а кто, кто за нами угонится,
Тот узнает всю мощь в кистенях...»
И кричала веселая вольница
У себя в золоченых стругах.

Только ветер за Степаном гонится,
Ползунком цепляясь по траве.
И мнилось, снилась буйной вольнице
Ночевка первая в Москве.

Да поймали бояре Степана,
Не отдал он им дешево жизнь.

Эй, не ехать Стеньке в туманы
К морю старому, к Каспию вниз.
Былась в поле Марина лебедкой
Забегала за дальний курган,
Пыжидала Степашу-залетку
По острогам, крутым берегам.
А Степана к звонам малиновым
Увела, как преченный пакет.
Увидалась с горя Марина
В быстрой Волге родимой реке.

Я Шведоз.

Вид на р. Оку с Главного Д. ма

Передвижное кино прибыло в деревню.

КИНО В ДЕРЕВНЕ.

Огромную роль сыграет кинематограф в поднятии культурного уровня 100-миллионного населения нашей деревни. Не было простых по конструкции и удобных для перевозки в глухие деревенские уголки кино-аппаратов. Из этого затруд-

нения удалось выйти, благодаря изобретению Ленинградским Государственным Оптическим Зааводом аппарата «ГОЗ», могущего работать, где нет постоянных электрических станций.

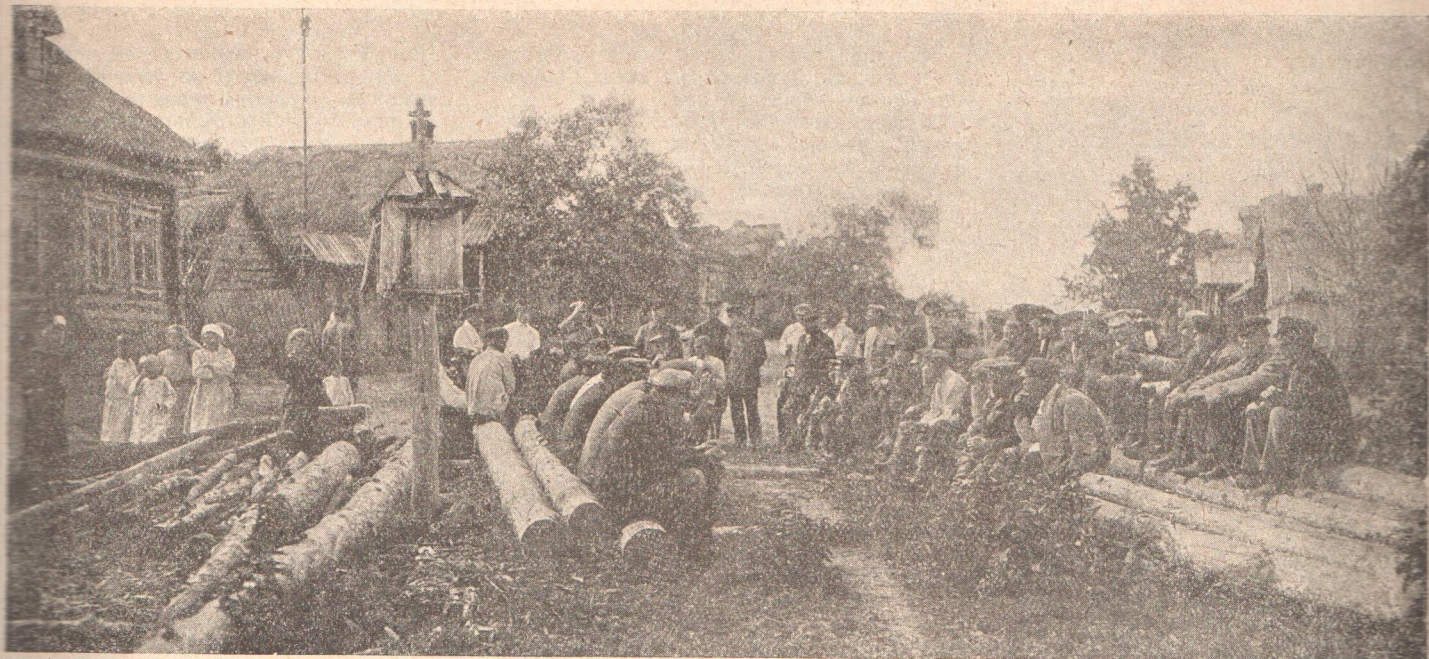
Аппарат (проектор) снабжен ручной

динамо-машиной, дающей достаточно света для демонстрации фильма в аудиториях до 500 человек. Аппарат может работать и от любого тока электрической сети, для чего при нем имеется реостат. Что особенно важно—вес всего

Сеанс на воздухе.

Кино в деревне.

Кино-сходка в деревне.

комплекта передвижного кино (23 предмета) удалось свести до рекордной цифры в 1 пуд. 30 фун.

Как показал 4-хмесячный опыт работы Главполитпросвета в целом ряде сел и деревень разных губерний, аппарат окупиет все расходы по своему содержанию. Главполитпросвет решил приобрести на первое время 600 комплектов «ГОЗ» и снабжать ими политико-просветительные учреждения Союза, а также кооперативные, сельско-хозяйственные и общественные организации на льготных условиях с рассрочкой платежа на полгода. Стоимость аппарата 640 руб.

О результатах, которые достигнуты Главполитпросветом в работе по продвижению кино в деревне, можно судить по тому факту, что 6 кино-аппаратов посланных в Воронежскую, Гомельскую, Курскую и Нижегородскую губ. в самый разгар «пьянки» на Троицу, настолько разжили, что в дни пребывания кино, пьянство, наблюдавшееся обычно в эти дни в невероятных размерах, прекратилось. Оно и понятно: население, получив в кино разумное развлечение, отвлекается от самогона. Достаточно всмотреться в сосредоточенные лица крестьян, на помещаемой нами фотографии, чтобы понять тот громадный успех, которым пользуется кино в деревне. Даже внезапная вспышка магния, при свете которой производится снимок, не смог отвлечь их от момента захватившей их картины.

Сельско-хозяйственные фильмы, на-

глядно иллюстрирующие образцовую постановку сельско-хозяйственных работ, пользуются особенным успехом, и стало обычным явлением, когда после их демон-

страции крестьянство тут же выносило резолюции, требующие перехода к усовершенствованным методам обработки земли.

Сеанс на воздухе. Снимок произведен в 12 час. ночи.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЬКА“.

Готовится к печати и с сентября начнет выходить первая серия книжек „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЬКА“. Книжки будут выходить еженедельно, размером от одного до двух печатных листов.

По содержанию книжки „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЬКА“ будут подразделяться на четыре основных типа: 1—новая беллетристика (оригинальная и переводная), 2—юмористические рассказы и повести (русских и иностранных авторов), 3—документы эпохи и мемуары и 4—наука: новые путешествия, открытия, опыты.

В „Библиотеку Огонька“ войдут новые произвед. лучших русских и иностр. авторов.

Цена отдельной книжки—15 коп.

Для подписчиков журнала „ОГОНЕК“ 4 книжки—50 коп.

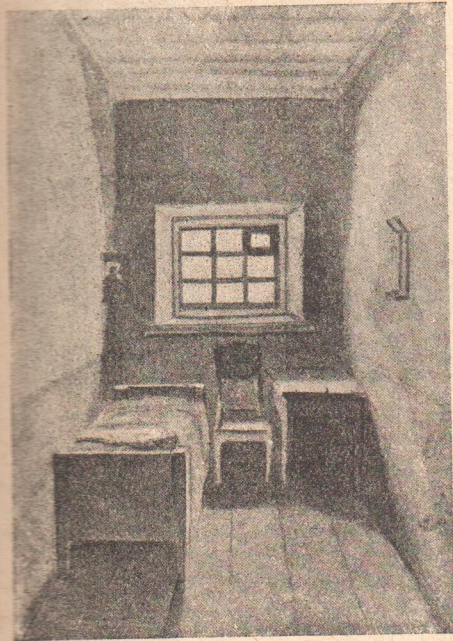
На родине и в доме В. Г. Короленко.

Архив покойного писателя. Снимки фот. Винштейна (Полтава).

Человек живет среди вещей.

В течение длинного ряда лет он ежедневно сидит в одних и тех же креслах, за одним и тем же столом. За его спиной постоянно одни и те же книжные шкафы.

В саду есть любимая скамейка. На улице — любимое дерево. В городе — любимая улица.

Из архива В. Г. Короленко. Собственноручный рисунок карандашом покойного писателя — камера в Тобольской тюрьме, где Короленко сидел в 1880 г.

Человек оставляет на вещах следы своей жизни.

На вещах хранятся прикосновения его пальцев, прикосновения его взгляда, или только мысли. Может быть, он случайно думал об этих вещах. Человек умирает, уходит, перестает быть. На вещах остается жить память о его прикосновениях, след его жизни.

По вещам человека легко представить себе его самого. Вещи — как собаки. Они покорно смотрят на хозяина — в их глазах раз на всегда остается отраженным его взгляд...

Все это приходит в голову в доме В. Г. Короленко в Полтаве.

Звоню у двери небольшого особнячка, на которой — маленькая медная дощечка: «Владимир Галактионович Короленко».

Точно такие же дощечки у любого зубного врача:

«Зубной врач такой то...»

Если перейти на противоположный тротуар, особнячек станет незаметным. Его плотно окружают тополи. Вся улица — как зеленый тоннель. Мостовая весело заросла пышной травой. Сквозь доски деревянного тротуара так же высовывается зелень. Позади домов сгрудились густые сады. Самая зеленая улица в Полтаве — Садовая. Теперь — имени Короленко.

Короленко живет еще в «работе», которая производится в его доме. В работе комиссии, разбирающей его архив. Ведь мы знаем еще не всего Короленко. В грудях дневников, писем, неизданных очерков, рассказов, статей живет еще неизвестный нам Короленко.

Даже — в рисунках.

Короленко — художник-рисовальщик. Альбомы — всевозможнейших зарисовок, иллюстрации к рассказам. Портреты. Туземные типы. Бытовые картинки.

Все — как бы дополнение к деятельности публициста, мастера слова, трибуна, философа и исследователя.

Огромной жизнью жил человек. Огромными глазами смотрел на мир и более чем кто-либо видел в нем.

Тысячи оставшихся после Короленко писем, отрывков, дневников — каждый листочек изучается особо.

К каждому письму следует примечание, справка, пояснение.

Значение короленьковских писем и дневников выходит далеко за пределы значения библиографических материалов.

Архив Короленко — это богатейшие материалы по истории целой эпохи общественной мысли в России.

Переписка В. Г. с выдающимися людьми его времени, начиная с 70-х годов и кончая нашими днями, занимает несколько толстых томов.

Собрание писем, снабженное их примечаниями — сложная, кропотливая работа. Ее исполняют с нежностью с любовью в доме № 1 на улице им. Короленко. в Полтаве.

Часто встречаются в письмах или дневниках имена, ссылки на факты, уже забытые наши дни.

Необходимо пояснение, напоминание об этих именах. И если не помнят дочери — вспоминает вдова В. Г. Короленко — Авдотья Семеновна, старый друг и многолетняя спутница В. Г.

Эпизод:

Среди архива найдена рукопись Короленко. Небольшая — один листочек. С двух сторон исписанный. Стихи. Пригляделись — написано по украински. Прочли — знакомая вещь. Только не короленьковская. На листке — вариации «Думки» народной украинской песни. Песня с 1905 г. появилась на Украине. «Думка» — о Сорочинской трагедии. В 1905 г. зверски расстрелял Полтавский губернатор Ахшарумов с Сорочинскими крестьянами. Каждого десятого расстрелял. С тех пор появилась эта «Думка» о народном горе, о царе, о помещиках.

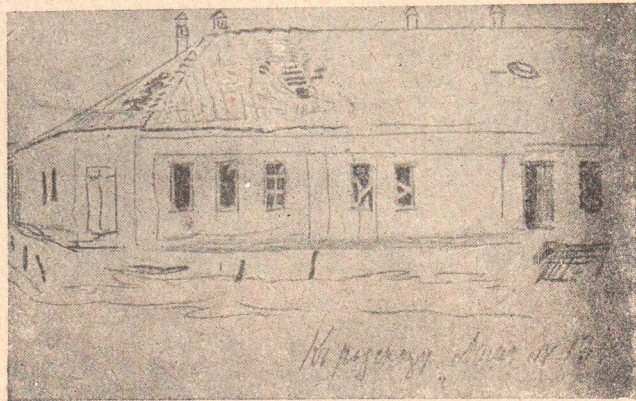

Из архива писателя. Рисунок Короленко: вид фабрики кустаря Андрея Малафеева в Пальшевке. Рисунок относится к еще неизданному «Павловским очеркам», написанным в 1895 г. в Павлове (Нижегород, губ.), где Короленко, живя в ссылке, изучал быт Павловских кустарей.

Вся Украина распевала «Думку» и по сей день распевают ее украинские кобзаря. Считалась «Думка» — народной.

Нашли рукопись Короленко. Вариации «Думки». Уже не сочинил ли «Думку» сам В. Г.? Поехали в Сорочинцы. Толковали с крестьянами. Выпытывали у кобзарей и докопались:

Народную «Думку» Короленко сочинил. Написал и кобзарю Кравченко передал. Известный кобзарь был на Украине. Кравченко умер. Умер и Короленко. Так бы и продолжали считать «Думку» народным

Из архива писателя. Рисунок Короленко: вид дома в Кишиневе, где во время погрома 1903 г. разыгралась трагедия, описанная в рассказе Короленко: «Дом № 13».

произведением, если бы рукопись не нашли...

Шумят тополи на Короленковской улице в Полтаве. В самом начале улицы — весь зеленый опутан домик с дощечкой на двери. «Владимир Галактионович Короленко».

Своеобразна жизнь в доме. Спокойны женские голоса. Бережны пальцы, собирающие живые мысли в ворохе бумаг. Послушна машинка, перестукивающая письма, дневники, очерки...

Здесь живет Короленко.

Эм. Миндлин.

Неизданный отрывок из дневника В. Г. Короленко.

Примечание. Запись от 14/V-1887 г. в дневнике В. Г. Короленко является письмом его к Е. Л. Ульяновской, знакомой ему по ссылке в Березовские Починки, Вятской губ. (см. «История моего современника», т. 3, гл. «Девку привезли»). В это время она следовала опять в ссылку, проезжая Нижний-Новгород. Начало написано на листке писчей бумаги, затем обращение зачеркнуто, листок вклеен в дневник и окончание написано на листках тетради дневника.

Запись от 14/V — 1887 г.

Не знаю, передали ли вам, как я о том просил — мой поклон? Я проходил на пароход, вызывал конвойного офицера, просил свидания и не добился. Тогда я попросил, по крайней мере, чтобы вам сказали, что приходил Владимир Короленко и кланялся. Потом я вышел на берег, постоял, поглядел и стал забираться на гору. С вершины крутого берега я еще смотрел на вашу баржу и вдруг увидел — или мне показалось, что в верхнем этаже баржи из дверей вышли несколько женщин и прошли к кормовой части. Вы это были или нет? В то время мне хотелось думать, что вы были там. Я махнул несколько раз платком и мне показалось, что кто-то тоже махнул с баржи. Впрочем, у меня глаза плохие и более, чем вероятно, что я адресовал свои сантименты фигурам конвойных солдат.

Мне нужно было домой и я пошел, обещав еще прийти, хотя бы к отходу, и дей-

ствительно приходил два раза. Если вам слышна была с берега музыка и видны были во время отхода фейерверки, которые зажигали среди зелени на горе, то вы имеете приблизительное понятие о месте, где я стоял, думая о том, видите ли вы меня из какого-нибудь оконца—одну маленькую точку среди пестрой массы, толпившейся на гуляньи и глазевшей на Волгу. К 10 ч. я опять подходил к тому же месту. Ваш пароход дал последний свисток, когда я еще подходил к откоосу. И тотчас же ваша баржа с пароходом отделилась от берега. Не знаю, что вы думали в это время, что вам было видно. А мне с высоты была видна далеко внизу, лежащая в темных берегах, полоса реки, отсвечивающая каким то грустным светом, луга с неопределенно глядящими кое-где клочками поемной воды, Заволожская даль, затянутая туманом внизу, тучей на горизонте. И по реке, тихо откатываясь от берега, ползла какая то темная масса, неопределенная, широкая и тяжелая. Было заметно, что она состоит из двух частей—одна тянула другую. Пароход вел баржу с боку. Дым тянулся из трубы, фонари плыли вверх, прикрепленные к невидным в темноте мачтам. Потом масса раздвоилась, одна часть с фонарем на носу явно стала опережать, вырезалась вся на речной глади, удалилась. Баржа отставала, отставала... Но вот расстояние между двумя темными предметами перестало изменяться. Мне показалось (хотя, конечно, я не мог этого видеть), что баржа дрогнула, точно темная паутинка натянулся канат—и баржа пошла за пароходом тихо, бесшумно и плавно...

Только две чуть заметные черточки темнели на сумрачной реке, да дым, гонимый верховым ветром, забегал вперед парохода, да огоньки отражались, вздрагивая и волнуясь в воде.

Понемногу пароход и баржа как-то таяли в темноте, уменьшались и задергивались туманом. Я смотрел на них долго, пока огонек еще блестел, отражаясь в глубине, пока две точки маячили, сливаясь с темными очертаниями Фофановых гор. И во мне роились мысли о вас, и о себе, и о толпе, которая шла мимо, все меняясь и отставаясь одинаково равнодушной к тому, что занимало меня. И все странном образом сливалось в моем воображении в общую картину, которую я не мог бы уловить определенно—так она смутна, смутна и неопределенна, как эта мгла, так

грустно загасшая на дальних лугах и так свободно охватившая вверху своими взволнованными очертаниями светлую лазурь ночного неба... Над самой тучей резко и ясно вырезался серп молодой луны, загорелись звезды, над черным берегом тянулся свежий ветер, липы на откосе шумели дружно и гулко, а внизу плыла по реке баржа... Мне хотелось повернуться к толпе и сказать:

— Смотрите, неужели вы не знаете, что эта баржа везет в Сибирь людей, которые смеют думать не так, как вы все, или не так бояться высказывать то, что и вы, быть может, думаете...

Теперь я сижу здесь и пишу, делюсь с вами тем, что я думал в ту минуту, как вы отъезжали отсюда, не подозревая моего присутствия, а ваша баржа тянется теперь в темноте, по реке. И долго будет тянуться по Волге, по Каме. Я знаю эту дорогу. Через месяц еще я вижу такой же пароход и такую же баржу на далеких пустынных водах Иртыша и Оби.

Счастливым путь, счастливый путь... А куда то плывет общая баржа нашей общей русской жизни...

Владимир Короленко.

Семья В. Г. Короленко и члены редакционной комиссии по изданию посмертного собрания сочинений В. Г. Короленко—за разборкой Короленковского архива в комнате где жил и работал В. Г. Короленко (Полтава). Сидят (слева направо): дочь писателя С. В. Короленко, жена писателя А. С. Короленко, член комиссии—Имшенецкий, член комиссии—А. Л. Кривинская.

Выставка Советской печати за 1923 год.

Фото-бюро «Ог нег».

На выставке представлены 13 тысяч непереработанных изданий: 1500 журналов и столько же газет.

НА КУЗЬКИНОЙ ДАЧЕ.

Рассказ Каллистрата Анищенко.

I.

Отцветала калина — прошли последние холодные утренники. Перепадали теплые тихие дожди, а в конце апреля гуркнул первый гром. Полосой пронесся град.

Солнце растопило ледяшки и густая испарина туманом окутала старинный парк и поля. Распустились почки и на дубе. В полях показались пахари и пошли ходить непахать. Запели в парке соловьи — до ранней зари ходили в парке санаторийцы...

Ночами собиралась гроза — слепила молнией, лила обильный дождь и яркими зарницами освещала домики санатория «Кузькина Дача». На утро, в легком тумане холодной росы, из-за березовой рощи коммунальный экономки Вильгельмины Карловны приходило майское солнце.

Ранним утром, одновременно с солнцем, инструктор народного труда в Кузькиной Даче, товарищ Русакова, Елена, в порядке пролетарской дисциплины, отдала приказ: бывшей монашке, а ныне товарищу Арише, исполняющему особые функции при товарище инструкторе — садить огород; а товарищ Диков, техник санатория и законный муж Русаковой, должен был поставить чернорабочую силу, имеющуюся в его распоряжении.

— Лелечка, я не имею права распоряжаться государственной рабочей силой, кроме того — за работу — паек нужно... Без пайка мужики не станут работать. А вообще, на кой чорт тебе огород?.. я не имею права.

— Забудь о своих правах, а баб пришли — рассчитываться с ними я сама буду... Как инструктор народного труда я произведу опыт... Понял?

— Гляди, влетишь.

— Наплевать.

Приказ был отдан. Русакова вышла на крылечко...

Старый парк, в ярком блеске солнца, при звонких вскриках пташек, был полон пьянящей весенней симфонии... У крылечка, на солнышке, сидели крестьянки; коза любопытствовала на гостей из сарайчика.

Образцовый полицейский.

Русс-Фото.

В Ганновере недавно был арестован торговец Хаарман, служивший, между прочим, в тайной полиции и пользовавшийся особым уважением властей. При обыске обнаружилось, что Хаарман пользовался известностью в кругах гомосексуальной молодежи, причем в припадке садизма он неоднократно убивал своих жертв. Слухи о преступлениях Хаармана уже давно носились по городу, но всячески затушевывались полицией, не желавшей лишиться своего ценного агента. Теперь следствие установило, что Хаарман убил около пятнадцати юношей, разрубив на части их трупы и бросив их в канал. Некоторую долю человеческого мяса Хаарман...варил и посылал на базар.

Дело Хаармана оживленно комментируется всей европейской печатью. Коммунистической фракцией рейхстага внесен запрос о действиях ганноверской полиции, подорвавшей о «действенности» Хаармана, но терпевшей его на службе, не принимая никаких мер.

— Здравствуй, Алена Васильевна, здравствуй красавица.

— Здравствуйте. Чего вам?

— Прослышали, что ты огород садить будешь... подсобить пришли, матушка... чевой-то прикажешь делать-та?

— Не нужны вы мне. У нас своя коммуна большая.

— Возьми, матушка, возьми, красавица, смилосердствуй... семь верст к тебе шли, Качаловские мы... Слых у нас прошел о тебе — простой народ делу обучаешь, вот и пришли... смилосердствуй.

— Не могу. Если задарма хотите учиться — ставайте, а за паек — не могу.

— Ничего, матушка, не надо нам — за харчи — да по краюшке хлебушка... ребетенки больно отошала на картошке-то... уважь, красавица...

— Если так, ладно: я — не враг народу. Ты вот, молодуха, тычки будешь делать, вы, старухи, огород копать. Ариша, бери всю братву под свою команду — закомиссаривай... Ну а ты, девонька, выпусти козу-то...

Соловей застыл в березовой роще Вильгельмины Карловны. Чиркала пеночка и где-то вблизи долбил сосну дятел — тук-тук, тук-тук... Ветер струнул молодую березку. Чистый аромат цветенья липы, березы и горьковатый смолистый дух сосны переливался с соловьиным свистом в солнечных волнах.

— Хлеба-то ноне не дадут? — сказала Ариша Русаковой, хмуро глядя на баб. — А энти аригы прожорливы... жаднущие...

— Выдадут... я напишу записку завхозу... Но, гляди Ариша, чтобы у меня зря хлеб не ели.

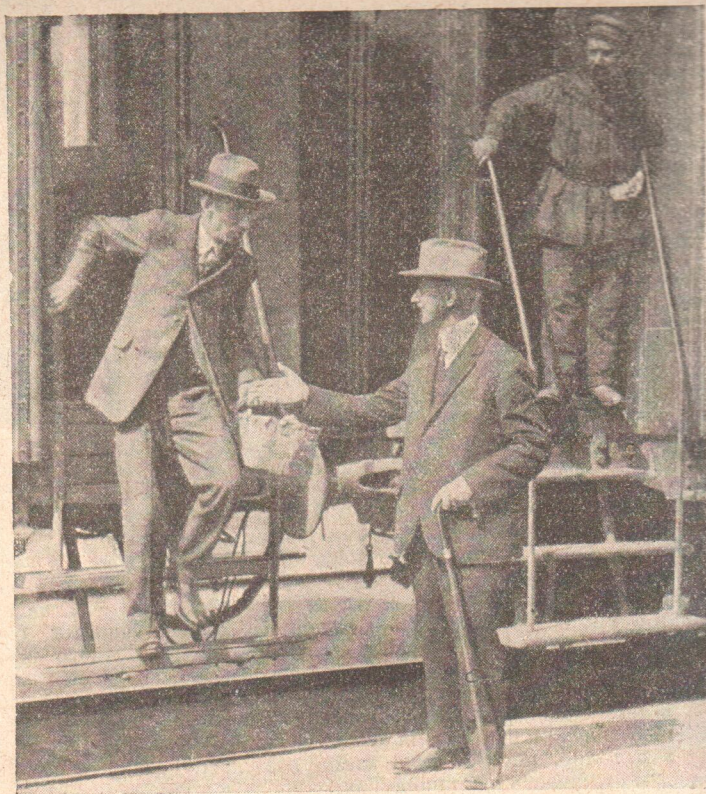
— У меня не погуляют.

— Барин-техник говорит, что меня пошлет мусор сгребать, — сказала худая беременная женщина, весушчатая, как воробьиное яйцо

Русакова поглядела на выпуклый живот крестьянки, перевела взгляд на бледное в желтеньких пятнах худое лицо... Равнодушно сказала:

Культурная связь с Америкой.

Русс-Фото.

Председатель Нац. Союза Республ. Свобод в Америке проф. Ворд прибыл в Москву для ознакомления с культурной жизнью СССР.

Германия — американская колония

Русс-Фото.

Американский статс-секретарь по иностранным делам Юз и американский посол в Германии Густон сняты нашим корреспондентом в Берлине. Юз приехал в Германию, чтобы на месте выяснить наилучшие способы выкачивания средств из германской промышленности и выжимания пота из германского пролетариата.

— Дело твое...

К огороду подошла Вильгельмина Карловна, бывшая московская колбасница, пухлая сырая немка.

— За хлеб?—спросила Аришу.—Уступи мне...

— Бери вот ту-та брюхатую кукушку...

Ни буйная красота старинного парка, ни хлебная должность инструктора народного труда в санатории, ни связь с техником Диковым, старым богатым подрядчиком, не могли заглушить в душе Русаковой смутной тревоги за будущее... *Товарищи* так круты и скоры на расправу. Русаковой все кажется, что ее потянут к ответу... Есть за что и потянуть. И потому, если уж придется отдуваться, так чтобы было за что...

Солнце светит, безоблачно небо и свищет соловей, а у товарища инструктора под ложечкой сосет...

— Елена Васильевна, почтеньице..

— А, доктор... Присаживайтесь. Благодать - то какая.. глядите, вот божьи коровки... Все наслаждается, размножается.

Доктор Уздалев, хромой, истощенный человек, в потертой кожаной куртке, сел рядом с Русаковой.

— Благодать, лучшего места для санатория и не придумать.

— Вы довольны, доктор?

— Очень. Люблю, знаете, природу. Тут же парк, полный крепостных легенд и трехсотлетних дубов... Очень хорошо. Только, знаете-ли, какая-то муть на душе...

— Вам-то чего? Грейся на солнце, слушай соловьев. Вот нам-то, мобилизованным в порядке трудовой общегражданской повинности...

— Уж и не знаю, кому из нас лучше... А голова полна заботой... Хочу просить и вас, Елена Васильевна, поддержите, если придется, мое ходатайство перед товарищем главуправом: хлопочу, чтобы примагаться к санаторию не пенсионером, а действующим лицом...

— С удовольствием, чем могу...

Доктор переставил свой костыль, нагнулся к розовой бе-

Самый юный авио-пассажир.

Фото-бюро «Огонек».

На днях с очередным самолетом Фоккер О-ва „Деру-лфт“ прибыл в Москву из Вашингтона в числе других пассажиров мальчик 4 лет Гюнтер Принцель. Мальчик великолепно себя чувствовал во время 1000-верстного воздушного путешествия. Он делал вместе со своей матерью и отцом, работавшими в воздушной гавани Москва О-ва „Деру-лфт“. Это был первый, за три года работы авиации советской земли, случай полета столь юного пассажира.

Улица покрыта не снегом. Это ливень из листов с портретами губернатора Альфред Смита, которому его сторонники пытаются создать популярность на выборах. Нечего удивляться, что при таких „издательских“ расходах выборная кампания обходится каждому кандидату в пять миллионов долларов.

лой шее Русаковой и что-то шепнул. Русакова недоверчиво отодвинулась.

— Вот это был-бы номер... Тогда конец всем мытарствам?

— Конечно... Но это, видите-ли, мечты, а нам нужно думать о хлебе насущном... Я к вам, собственно, по делу: товарищ Диков дома?

— Да. Пожалуйста.

Уздалев, волоча ногу и стуча костылем, поднялся на крылечко. Русакова недоброжелательно глядела ему в спину... К своему брату, интеллигенту, она относилась презрительно: мещане, трусы... Только и способны, что пушукать несуразные бессильные злобные выдумки на *товарищей*...

— Машенька, Машка... иди, дурочка, ко мне... Ариша, дай хлеба!

Бельенкая козочка, с бородкой и рожками, вопросительно поглядывала из-за орешника на женщин в огородине...

Нюхнула воздух и смело пошла на зов хозяйки, но вдруг метнулась в сторону и скрылась в березняке. Какой-то мальчишка, с палкой в руке показался между деревьев.

По березовой аллее, в глубь парка, к реке, направлялась гурьба простоволосых мальчишек, с ведерками и удочками в руках. Один из них сивнул от удивления и обратился к Русаковой:

ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ В ЛАГЕРЕ.

От островского корреспондента «Огонька».

Группа юных ленинцев, расположившихся лагерем под гор. Островом, Псковской губ.

Долгожданная пора лагерной жизни для юных пионеров-ленинцев—пришла. Дружина, после медицинского осмотра, выбора места для лагеря, тщательной к нему подготовки—двинулась в лагерь—на Гороховое Озеро.

В лесу закипела работа по устройству шалашей, палаток, земляных столов, печи для варки каши и т. д.

В 7 утра раздаётся сигнальная труба. момент—и ребята на ногах. Прибрав внутри лагеря—ленинцы направляются к озеру, где купаются, умываются и делают гимнастику.

Потом происходит чаепитие.

Попили, остатки хлеба и сахара кладут в запасной фонд звена. Направляются для окончательной внешней и внутренней уборки лагеря—кончив работу, ленинцы идут под руководством вожakov звеньев в лес.

Там собирают гербарии, изучают местность, растения, деревья, особенности леса и т. п. Через полтора часа ребята возвращаются и, отдохнув полчаса—идут заниматься.

Часть ленинцев изучают разведочное дело, другие—речное, третьи—пожарное, оказание помощи и т. п.

Но вот наступает время, когда ребята собираются на обед.

Четыре часа. Пятнашки, «Воли и Овг», «Вий», футбол сменяют друг друга.

6 часов: работы много—кому хвороста набрать, кому заняться благоустройством лагеря (рвы подчистить, ступеньки сделать, читальню оборудовать, место от пней освободить и т. п.).

В 8 часов ленинцы идут на ужин.

После ужина происходит беседа у костра.

До 10 часов в потемках разговор. С трубой, ровно в 11 ч. смолкает все. Только дежурные ленинцы тихими шагами расхаживают, всматриваясь в темный, спящий лес...

Ничто не беспокоит спящих. Только иной раз трубная тревога дежурных подымает всех на ноги—но тревога ложная. Чутким сном спят юнцы.

Готовится наша смена.

— Эй ты, дура большая! Ты—здесь? Братва, вот где Ленка-то... А мы-то гадали, что тебя чиннули.

Парнишки окружили Русакову. Ариша подошла с ломтем хлеба.

— Тетка, дай-ка.

— Ну как-же вы, деточки дорогие?—спросила Русакова.

— Мы—что, а вот ты опять примазалась... Велика дать нам пошамать... Огород-то сядят тоже, поди, для тебя. Сади побольше огурцов да картошки—в гости будем...

— Ариша, неси еще хлеба.

Мальчики жадно ели хлеб. Старшой из них вел разговор:

— Как тебе перо, значит, вставили, мы-то пошли куралесить... с голодухи больше, а весны дождалась—драла... В ваших лесах и лето проведем... Мы—пролетария... знаешь нас... Ну, братва, айда за рыбкой. Прощай, Ленка.

— Досвиданьца, дура большая! Сади боле огурцов-то!

Засапавшись, верхом на палке, подбежал тот, который гонялся за козой.

— О, Ленка!—удивился мальчик.—Пожрать у тебя есть? Дай хлебушка...

— А ты посиди со мной, Петька.

— Ладно, посижу. Коз твоя, что-ль? Хотел-было рога сбить—можно хорошо продать: на фунт хлеба за глаза дадут...

— Не смей трогать козу—она моя.

— Ты совсем барыня стала... Давай хлеба-то, не то ей-ей загоню козу к чертям. Не веришь? Ну, некогда мне с тобой ляссы точить—наши, поди, уже высматривают, где землянку рыть и где что слямзать... Уж больно хороши здесь березки—на венки ломать будем... А в реке раки-то водятся?

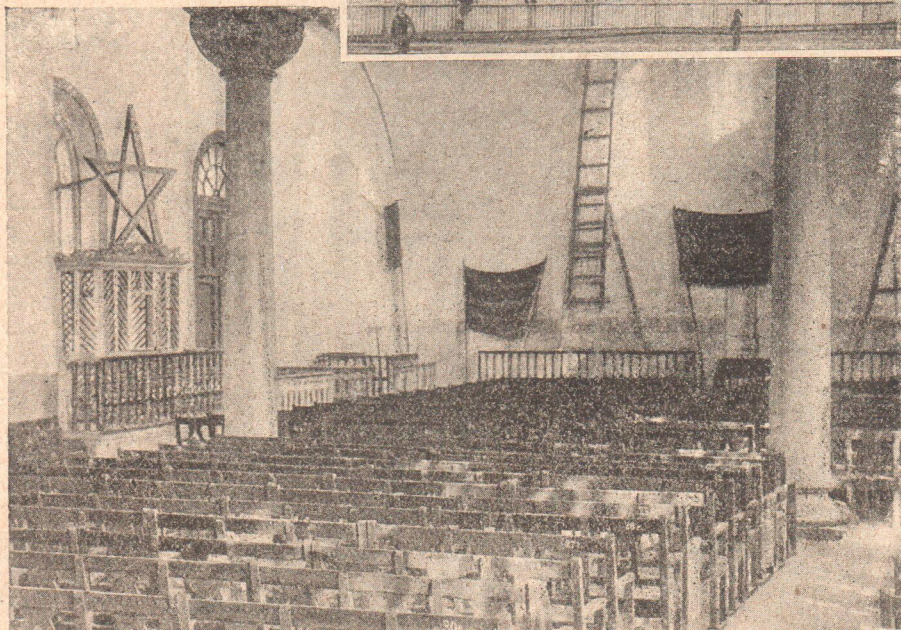
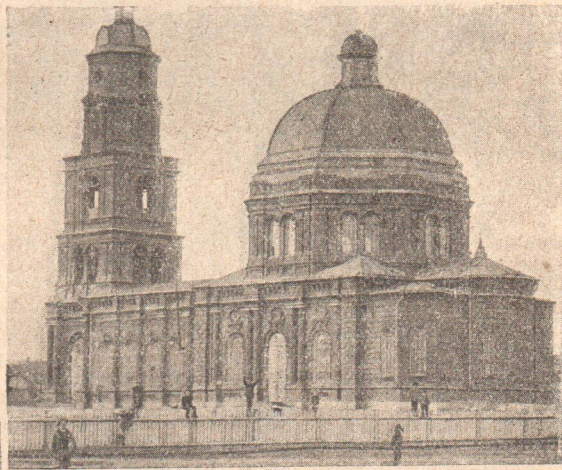
Шустрый мальчик озирает все бойкими глазами взрослого человека, исполненного энергии и больших замыслов... Рваная рубашонка стыдливо укрывала кое-какие части его груди и спины, а штанишки были целы только на пояске. Пучки нежного детского волоса торчали на Петькиной голове, как стреха на убогой сельской избе...

На просьбу Русаковой посидеть, Петька отложил палку и присел.

— Что-ж посидеть можно. Шамать-то дашь?

— Сейчас. Ариша, еще хлеба.

У Русаковой засасало под ложечкой. Неожидан-

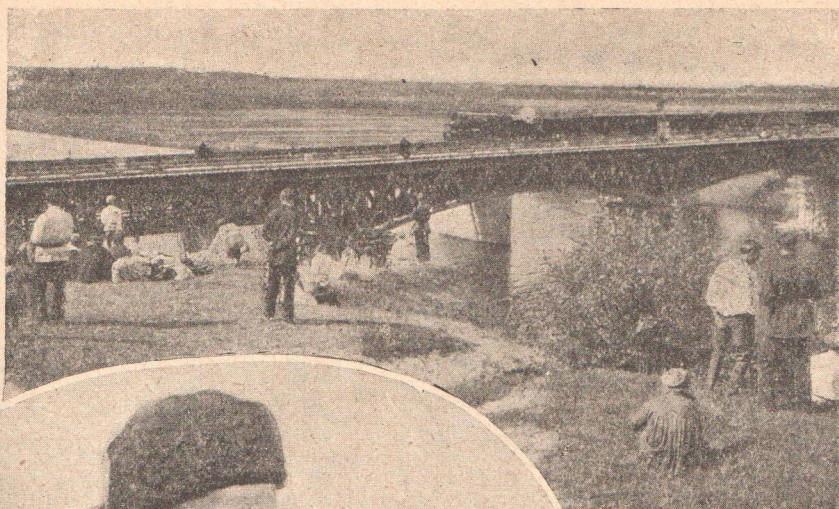
НА МЕСТО ЦЕРКВИ—РАБОЧИЙ КЛУБ.

От царинского корреспондента «Огонька».

Рабочие и работницы металлургического завода «Красн. Октябрь» в Царинге решили давн о пустовавшую церковь превратить в клуб. Собравшись на многотысячный митинг—поставили: очистить от развалин и переклеить переклеить и организовать там рабочий клуб. В настоящий момент здание ремонтируется и приводится в должный порядок.

Новая победа транспорта СССР

Фот. для «Огонька».

На днях закончилась постройка большого моста имени Коминтерна через Москва-реку, близ станции Царицыно-дачное в 16-ти верстах от Москвы по Курской ж. д. На торжестве открытия присутствовало более 3 000 рабочих. Преобладали железнодорожники, приехавшие из Москвы и ближайших участков.

Мост является первым мостом, созданным революционными рабочими. Все, от деревянной шпалы до мелкого винтика, сделано на наших заводах.

По предложению рабочих, участников постройки, мосту присвоено имя Коминтерна.

На наших снимках: наверху — момент прохождения первого поезда. Внизу — член коллегии НКПС тов. Халатов на торжественном открытии моста, перефрезавший ленту.

выступила... на педагогическом фронте. И «дочь кухарки и слесаря», получила в заведывание дом пролетарских детей...

В два счета она выжила прежнюю заведующую, какую-то ученую, раздобыла реквизированной мебели, ковров, утвари; организовала хозяйство: завхоз — приятельница с Плющихи, коллега по акушерским курсам. В детском доме ввела «пролетарскую» дисциплину: никакой критики, никакого своеволия — одно благоволение перед заводом... Проектировала ввести порку для «чертей» и «дьяволов», как называл персонал дома своих питомцев, но «черты» и «дьяволы», при намеках на березовую кашу, открыто говорили: «Попробуй. Задерем и тебе юбку». Пришлось отказаться от этой существенной части воспитательной программы...

Барский особняк в пригороде с вывеской «Убежище пролетарских детей такого-то района», — стал местом самой кипучей деятельности: с езды по пролетарскому воспитанию, вопросы женской эмансипации в Абиссинии и Конго...

Везде и всюду председательствовала Русакова. Седоватая, стриженная «под личача», с красивым очаровательным лицом и умением носить хорошую английскую юбку, — Русакова умела произвести впечатление на аудиторию... Слава зав «Убежищем» перешла границы района...

Сидя вечером, после заседания или доклада, в своей компании, Русакова говорила:

— Им плети, что хошь: только ушами хлопают. А главная их забота и мысль: пообедать или чаю напиться... Остальное наплевать. Я им поддушу как-нибудь жука...

Своя компания восхваляла Русакову...

Однако, как ни осторожна была заводом, все-же «напоролась». Дернула ее легкая выступить с специальным докладом по педагогике...

На доклад явилась и прежняя заведующая, ученая кикимора; привела с собой и какую-то «партийную шишку»...

Окинув сверкающий бронзой и атласом зал, переполненный красными косынками и кожаными куртками, Русакова прищурила синие холодные глаза: она заметила врагов... Заныло под ложечкой, но необходимо было выступать.

Начав с педагогических принципов и методов, она перешла в область абсурда, как проявления истинно-пролетарской культуры... Аудитория зашипела... Ученая кикимора взяла слово — вдрызг разнесла, выступила «партийная шишка»...

Буквально, в 24 часа пришлось расстаться с детским домом. Стыда не было, не было и раскаяния, не было даже горечи — была досада: теплое место займет кто-то другой...

Покончив с педагогией, Русакова устроилась в санатории, на должность ответственного инструктора народного труда. Паев был великолепный... и в парке пели соловьи, и бабы садили огород. Но под ложечкой сосало...

— Что там у вас нового? — спросила Русакова мальчика.

— Ничего: Анфиска кофей пьет. Такая же драная кошка, как и ты, но добрая: что хошь, то и делай... Еще говорили, что ты уперла ковры и нас даже спрашивали.

Авио-юбилей.

Фот. С. Красинский.

Германский летчик советского общества Дегульф Штольброк пролетел без аварий всего 100 000 километров, установив мировой рекорд. На московском аэродроме имени Троицкого состоялось празднование «воздушного юбилея». Юбилейным пассажиром был Борис Волы (стоит в центре). Слева (справа) — Дегульф А. С. Давидов, Волы — Штольброк.

Возвращение Художественного театра в Москву.

Фот. С. Красинского.

На днях в Москву вернулись старейшие артисты Московского Художественного театра. На нашем снимке—К. С. Станиславский и его сестра, по дороге с Виадаского вокзала.

Братва сказала, что ты — сволочь, но на счет ковров ничего не знали... Ну будь здорова, как корова.. Кланяйся коврам!..

Петька оседлал палку, пристально поглядывал на Русакову и деловито заметил: — Сяди побольше огурцов. Прощай...

На крыльцо вышел лысый Диков с хромым доктором.

— Видишь, — указала Русакова на скачущего Петьку, — хулигане? Слыхал о них? Наряди постоянного сторожа к огороду.

Диков что-то промычал.

— Это мои бывшие питомцы, — пояснила она Уздалеву, — отбросы коммунистического общества...

— Душа на костылях, — печально улыбнулся Уздалев. — А вы, Елена Васильевна, экспериментируете?

— Да, — ответила Русакова, — даю крестьянам и работникам с завода показательные уроки по огородничеству...

Уздалев взглянул на работавших женщин, резко отвернулся к технике:

— Пойдемте, товарищ Диков, к главу управу—авось выгорит мое дельце...

Мужчины ушли в парк.

3.

Солнце повернуло к закату... По небу, с юга, плыли яркобелые тучи, на земле парило. Жужжали мухи... Истомно ворковали дикие голуби и высчитывала чей-то век кукушка.

В огородке работали. — Вскпывали землю, садили картофель; готовили рассаду, расчищали пахотку...

Поглядеть на ра-

боту качаловских баб подошла жена предкомбеда Мужаева, — поглядела, сбежала на

свою деревню и явилась с Евстигнеевой старухой и Катей-сиротой... Надошли без зова жены рабочих с Жиловановского кирпичного завода.

— Откель, молодки, в нашу комуну затесались? — спросила работавших высокая костлявая Мужаева.

— А ты что за спрос?

— А тот спрос, что вы, поскуды, чужой хлеб есть хотите... Не знаете, что-ль,

Водный спорт СССР с каждым годом все более и более развивается, и сейчас уже занимает довольно значительное место среди других видов спорта.

на наших снимках

Наверху — посиделка одиночника, идущего на состязание на восток Москвы. Внизу — тов. Пселенев, чемпион Европы. В 1921 г. поставил рекорд с их пор в союзе спублик непревзойденный.

здесь комуна Г. Яковлева Дача? Прием лахудры!

— Сама ты лахудра сухопарая!! Началась перебранка.

— Для ча ты их взяла? — вопрос Мужаева Русакову, — нешто мы не могоу наша комуна — наш хлеб... Свои сыр бесхлебные подышают, а она зазывки думала... Я мужу скажу. Предкомбед он, чтобы глядеть за антиресом сваго рода-то.

— Ладно, отспаайся ране, — холо отвечала Русакова. — Я взяла, знач имею право: кого хочу, того беру. А ты за безобразье я в чеку отправлю...

— Уж не больно-то: напугала чело все равно подыхать!.. Видали мы неких... Подумаешь: постриглась извоком — коммунистка, козу завела — зьяка, на барский огород баб загал. За тобой чека плачет, а не за мной...

Мужаева демонстративно отвернула. Катя-сирота и Евстигнеева старуха горили по-хорошему:

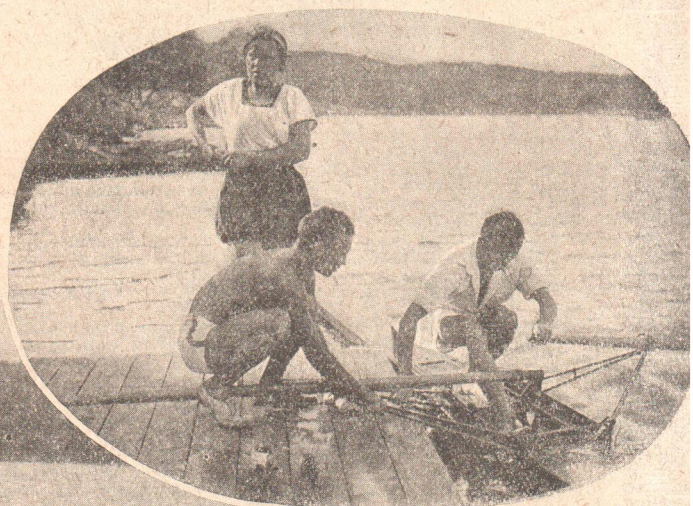
— Знаю дело; обидно. Своя дере на картошке сидит, а их леший при Кузькина Дача была, значит, княжеские и мы были княжеские. Ноне заместо кня комуна — значит и мы к комуне... Не да работать и баста... Здесь наша комуна

Каллистрат Онищенко

(Окончание в след. №-ре)

Водный спорт в СССР.

Фот. С. Красинского.

Издатель „Мосполиграф“.

Редактор Мих. Кольцов.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, Благовеш. пер., 3. Тел. 86-87. ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЭКСПЕДИЦИЯ: Тверская, 48. Тел. 4-80-08 и 41-38. Телеграф ад «Огонек». Тариф объявл.: 1 стр.—40 черв., 1/4 стр.—20 черв., 1/8 стр.—10 черв. 1 строка нонп. в 1 кол.—60 черв. коп. На обложке—на 50%. Среди текста—в 2 раза дороже. Сверх тарифа—15% налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 9—3 ч. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на один месяц—50 к. На считая с 1 апреля—5 руб. За прежние месяцы—по 70 к. Допускается рассрочка в 3 срока: при подписке 2 р., через два месяца 2 р. и через 4 месяца 2 р. За границу: на мес.—35 сент., 1 экв.—10 сент. или в переводе на соотв. местн. валюту. Подписка на „Огонек“ принимается во всех почт.-телегр. учр. и во всех отделениях и агентствах Госбаниа

КОНЕЦ. ВСЕ ЯСНО:
НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ ПОНАПРАСНО,

НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ В БЕГОТНЕ, —
ЗДЕСЬ ВСЕ КУПЛЮ, ЧТО НУЖНО МНЕ.